

наследие

Андрей Казанский

Живая вода Гаяза Исхаки

67

**Рецензия на книгу прозы Гаяза Исхаки
в переводе с татарского на русский язык
Азалии Килеевой-Бадюгиной**

Автор десятков романов, повестей, пьес, историко-политических сочинений, Гаяз Исхаки (1878–1954) во всём своём величии предстал лишь на исходе XX века. Все годы совдепии его творчество было под жесточайшим запретом, да и сам он, во плоти и крови, был отлучён от родины – жил в эмиграции, куда попал после череды царских тюрем, ссылок и большевицкого произвола. А ведь в начале прошлого века книги Гаяза Исхаки выходили огромными тиражами, и равнодушных к ним не было. В татарском обществе, в прессе шли ожесточённые споры по поводу идеологических посылов писателя. Были его почитатели, последователи, но были и противники.

Прогрессивные деятели татарской культуры, в том числе Габдулла Тукай, называли Гаяза Исхаки личностью, который даёт уроки татарскому народу. Для видного политического деятеля Юсуфа Акчуры он был «пламенным борцом за нацию». Гаяза Исхаки высоко ценил Максим Горький, называя его в своих письмах «дорогим собратом». При его поддержке была переведена на русский язык и опубликована пьеса «Брачный договор» (1914), готовилась к изданию драма «Жизнь с тремя жёнами». Тем не менее было немало противников творческой и общественно-политической деятельности «пламенного борца». Консервативное движение кадемистов, ратовавших за патриархальные устои жизни, всяческие противники открытости татарского общества, современной просвещённости, светскости обвиняли Исхаки в приверженности к русской культуре во вред национальному самосознанию.

Те и другие, противоречивые в своей сути взгляды сохранились практически до наших дней, когда, казалось бы, уже нет сомнений в его выдающихся творениях, как в литературе, так и в жизни.

В чём же тут дело?

Жизненность и развитие татарского народа Гаяз Исхаки видел в тесном взаимодействии с русской культурой в самом широком смысле слова. Он призывал татар освободиться от замкнутости и фанатизма, невежества и отчуждённости от европейских ценностей, светской литературы, искусства, науки... А в религии сын муллы, бывший шакирд, прекрасно знавший богословскую литературу на арабском и персидском, ратовал за реформы школ и медресе на широкий просвещённый лад.

Просвещение, наука, культура – вот три кита, которые должны были вывести татарскую нацию к прогрессу. Сам он, проучившись в двух медресе, окончив учительскую школу, отдавший весомую дань самообразованию, стал одним из образованнейших людей татарского мира.

Поэтому нет ничего удивительного, что одна из главных тем его творчества была тема просвещения, тяги к знаниям, свету и добродетели. Эта тема главенствует и в двух его романах «Нищенка» и «Мулла-бабай», переведённых на русский язык Азалией Килеевой-Бадюгиной и вышедшей в Татарском книжном издательстве под одной обложкой.

Ранее в том же издательстве увидело свет 15-томное собрание сочинений писателя на татарском языке. На русском же мы только-только начинаем знакомиться с его обширным наследием.

В романе «Нищенка» повествуется о судьбе татарской женщины, прошедшей драматический путь от нищенства и бесправия к просвещению, свободе и относительно равному положению в обществе. Читатель знакомится с Сагадат (кстати, так звали дочь Г. Исхаки), когда она была ещё совсем юной и жила с родителями в благополучии и любви. Однако сложилось так, что ей, прежде чем обрести подлинную себя, пришлось испить горькую чашу до дна – нищенство, униженность, отчаяние... Не миновала героиня романа и «дом жёлтого цвета за озером Кабан». Вместе с судьбой девушки перед нами разворачиваются мрачные картины казанского Забулачья конца XIX – начала XX века. Эти казармы, переполненные бездомными людьми, эти пятницы, когда нищие толпами идут, ругаясь и сквернословя, за подаванием... И там, среди них, в таких же лохмотьях – она, юная, воспитанная в семье муллы, благочестивая Сагадат!

Нищая, но красивая, цветущая девушка – это в бесправном мире, как правило, новое испытание и новые злоключения...

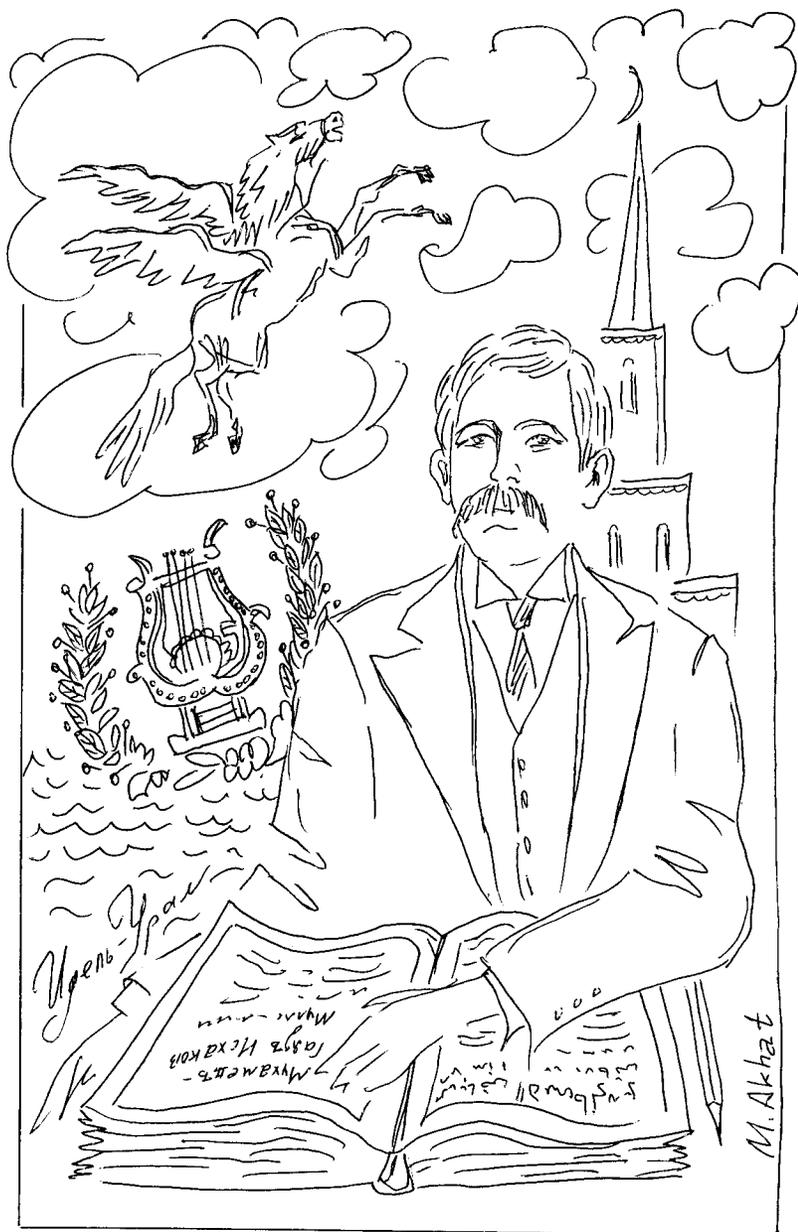
Но Сагадат выстаивает. На её жизненном пути встречаются и такие образованные, мыслящие люди, как Мансур с его друзьями. Она тянется к знаниям, знакомится в кругу единомышленников с лучшими образцами татарской, русской и европейской литературы, познаёт основы общественно-политической жизни, поступает учиться в казанскую гимназию и готовит себя к служению своему народу. Образ Сагадат представляет собой для писателя идеал татарской женщины – образованной, раскрепощённой, не уступающей в своих правах мужчинам.

В романе «Мулла-бабай» Гаяз Исхаки также озабочен судьбой своего народа, его просвещённостью и открытостью для всего передового и прогрессивного. Его беспокоит, что предел мечтаний татарского юноши – это учёба в медресе и по окончании – махалля (мусульманская община) с мечетью в центре, где он муллой, обучающим прихожан уму-разуму.

В общем-то – да, татарский народ испокон веков тянулся к грамотности, почитал учёный люд. Когда герой романа шакирд Халим вернулся с учёбы в городском медресе на побывку в родной аул, то его встретили там с особым уважением, и отец во время чаепития посадил младшего сына рядом с собой. «Никогда ещё ни братьям, ни сёстрам подобная честь не оказывалась, хотя они были и старше Халима».

Юноша почувствовал себя всезнающим шакирдом, заважничал, а уж по окончании медресе в Казани, когда его стали звать «Халим-абзый», «мулла Халим», он и сам посмотрел на себя другими глазами. Халим поверил, «что у него довольно знаний и ума, чтобы повести за собой тёмный народ». Да и как иначе, «если он изучил все книги, которые положено знать исламским мудрецам!» И далее пишет автор: «Его воззрения на жизнь вообще и жизнь загробную в особенности были сформированы полностью. Точка зрения на все окружающие его явления и вещи устоялись вполне... Всё предельно ясно, шаблоны усвоены. В голове не было и тени сомнений...»

Но на деле оказалось, что он совершенно не знает географии. Наш герой считал, что «рядом с Тюрки и Бухарой находится государство Хинди. Правда, он плохо представлял себе, что означает слово «Хинд» – то ли это название земли,

то ли города, то ли государства. Да он и не задумывался над этим, достаточно было, что он видел книги, на которых было написано: «Издано в Хинд». Он также имел смутное представление о государстве Чин и ещё о каких-то русских людях, именуемых французами. Слышал он о Москве, известной своими ситцами, и Петербурге, где чеканят монеты. На этом его представления о географии, можно сказать, исчерпывались.

Его познания истории были на том же уровне, а, возможно, ещё туманнее. После сотворения из ребра Аллаха женщины и появления вереницы пророков всемирная история для нашего, по едкому определению Исхаки, «китайского мандарина», или «иранского мужтахида» заканчивалась.

При виде больного он спрашивал: «Чего в нём больше, холода или тепла?» В первом случае прописывал малину, во втором – умывание холодной водой. Но самым главным лечением нашего табиба были заговоры и нашёптывания.

С таким багажом знаний герой романа готовился взять под своё покровительство мусульманский приход.

Тем не менее образ Халима притягивает своим реализмом, искренностью поступков и не ведомыми нам коллизиями судьбы. Всё-таки он представлен юношей способным, любознательным, по-своему стремящимся к знаниям. Шакирд участвует в дискуссиях и диспутах по богословию в различных медресе, в том числе – казанских, и нигде он не ударяет в грязь лицом, по ходу почти всего романа сохраняет благочестие и добрый нрав. На пути к цели юноша терпит голод, нищету, тумачи старших шакирдов и розги хазрата. Вообще, с помощью Гаяза Исхаки мы знакомимся с такой стороной жизни татарского народа, которая доселе была нам совершенно не известна. Мы слышали о ней, как говорится, лишь вполуха. Дело в том, что татарские писатели обстоятельно не разрабатывали эту тему, писали, так сказать, по касательной, хотя немалое число их знали о жизни шакирдов не понаслышке.

Исхаки же, отдавая этой жизни сполна, передал её в своём романе развёрнуто и живописно, не боясь ревнителю всего затхлого и застойного. Откровенно говоря, по прочтении романа, появляется ощущение, что и сам побывал в шакирдах, и сам поголодал-понищенствовал, и по твоей спине погуляла палка настоятеля медресе. Так захватывает чтение этого произведения!

Немало здесь светлых и весёлых сцен. Это и женитьба Халима-муллы, и пикники шакирдов, и застолья с поеданием вечно голодным братством плова казан за казаном, и чаепития с мёдом, маслом, сметаной, пышными хлебами, балишами из печи... Перо писателя чётко фиксирует время, быт, обычаи, ситуации... Страница за страницей увлекательного чтения ты невольно обрастаешь познаниями времён вековой давности. Это очень ценно.

На русский язык произведения Г. Исхаки стали переводиться в начале прошлого столетия. Не остался в стороне и роман «Мулла-бабай». Отрывок из него вышел (1914) небольшой брошюрой в Москве. Перевод на русский осуществил известный тюрколог Владимир Гордлевский. В том же году в одном из русских журналов Казани было напечатано подробное изложение романа за подписью А. И. Емельянова. И вот теперь роман «Мулла-бабай» по соседству с «Нищенкой» полностью увидел свет в переводе Азалии Килеевой-Бадюгиной.

Сразу скажу: перевод удался. Азалия-ханум мастерски перевела оба романа Гаяза Исхаки. Она смогла передать дух татарского мира далёких времён, донести до нас ароматы лесов и полей Заказанья, голоса муэдзинов вперемежку с птичьими хорами, своеобразие речи горожан, сельчан, духовенства Казанской губернии...

К тому же это очень непросто – сделать художественный перевод словесных конструкций романов Исхаки, наполненных не только эпитетами, сравнениями, развёрнутыми образами, но и архаизмами, тюркизмами, арабизмами, понятиями, которых нет ни в бумажных, ни в электронных словарях. Безусловно, прочтение книги обогатит читателя новыми знаниями, пополнит его словарный запас, но главное – окупит в живую воду исторической прозы Гаяза Исхаки.